

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Революции в Атлантическом Мире

Развитие мировой экономики, вовлекшее региональные экономики в единую систему, оказалось сомнительным благом для Европейских государств 18 века. С одной стороны, строительство колониальных империй сначала в Западном полушарии, а затем, с ослаблением исламского мира, и в Южной и Юго-Восточной Азии предоставило в распоряжение отдаленных метрополий огромные сырьевые ресурсы и густонаселенные рынки сбыта, способные «поглощать» готовую продукцию. С другой стороны, появление новых возможностей привело к новому витку в соперничестве между великими державами; стремление заполучить большой кусок мирового пирога отражалось в резком росте стоимости поддержания институтов власти – армии, флота и централизованного чиновничьего корпуса. Получался замкнутый круг: новые колонии и установление торговых монополий давали участникам дополнительные финансовые средства, финансовое усиление укрепляло государственный аппарат, укрепление государственного аппарата увеличивало «призовой фонд» в борьбе за региональную гегемонию и, следовательно, вело к более интенсивному соперничеству, что, в конечном итоге, толкало европейские государства на новые колониальные авантюры.

Для ведения активной внешнеполитической деятельности, Великие державы, давно уже придерживавшиеся принципов меркантилизма, все чаще прибегали к обложению дополнительными налогами «тяглого населения» – в первую очередь крестьян, затем и представителей буржуазии или среднего класса (там, где он был). Увеличение налогового бремени, в особенности на фоне наблюдавшегося во второй половине 18 века глобального роста цен на товары первой необходимости, приводило в преимущественно аграрных областях центральной и восточной Евразии к многочисленным и разрушительным крестьянским восстаниям. Так, с 1773 по 1775 годы огромная территория в бассейне Волги и Урала была объята ведомым донским казаком Емельяном «Пугачевым восстанием»; это была настоящая гражданская смута, в которой помимо крестьян и казаков на стороне Пугачева участвовали многочисленные тюркские и финно-угорские народы (татары, башкиры, казахи, мордва, марийцы и т. д.). К концу правления императора Цяньлуна, в Китае под лозунгом восстановления династии Мин началось восстание «Белого лотоса»; подавленное после почти десяти лет непрерывных боевых действий и карательных операций, восстание стало поворотным моментом в истории династии Цин.

Несмотря на свою масштабность, на уровне идеологии упомянутые восстания мало отличались от своих предшественников – восстания Булавина в 18 веке и Разинщины в России, и крестьянских восстаний в Китае в 14-17 веках. Как казаки с крестьянами в Российской империи, так и члены секретных религиозных обществ в Империи Цин, понимали свои действия в рамках традиционных политических убеждений как восстановление поправленной справедливости – или же, как возврата к негласному балансу в «моральной экономике» взаимоотношений власти и подданных. Философия Просвещения со своим радикально новым языком «народовластия», хоть и знакомая, и даже близкая некоторым представителям российской элиты, не проникла глубоко в народное сознание и поэтому не могла быть использована как эффективное орудие в мобилизации и организации массовых протестов. По существу, Пугачевское восстание, как и восстание «Белого лотоса» принадлежат еще к выступлениям «домодернового (premodern) типа» и революциями названы быть не могут.

Там, однако, где язык народного «волеизлияния» соприкоснулся с ширящимся общественным недовольством, восстания превратились в настоящие революции, отменившие «старорежимные порядки» и повлекшие за собой глубокие социальные преобразования. Такие революции «двумя волнами» прошли по Атлантическому миру. К первой волне – с 1770 по 1810 гг. – мы отнесем Американскую Войну за Независимость, Великую Французскую революцию, и антиколониальное восстание рабов на Гаити. Начавшаяся в 1810 году и продлившаяся 20 лет вторая волна состоит исключительно из многочисленных войн за независимость в Испанской и Португальской колониальных империях.

Восстание колонистов в тринадцати английских колониях на восточном побережье Северной Америки стало непосредственным результатом триумфа Великобритании в Семилетней войне. Британское правительство, получив огромные территории на континенте, предприняло ряд шагов, вызвавших недовольство белых колонистов. Так, не желая усугублять отношения с индейским населением, Лондон провел своеобразную черту оседлости вдоль

гор Аппалачи, западнее которых колонистам было воспрещено создавать поселения. Чуждые такой политике, многие колонисты посчитали себя лишенными главных плодов победы – для чего, если не ради земли, велась эта изнурительная война с французами и их индейскими союзниками, спрашивали они. Более того, Британская корона, не без основания полагая, что колонии вносили до сих пор меньший вклад в собственную оборону, чем сама метрополия, решила провести новые реформы в духе меркантилизма, установив налоги на товары и сырье из других частей империи. Теоретически, это должно было создать условия для менее опосредованного и более последовательного управления из Лондона, но на практике это стало толчком к первым открытым протестам.

Колонисты, общее число которых превысило 2 миллиона человек к 1770 году, поддерживая тесный интеллектуальный контакт с Европой, умело использовали доводы Просвещения в защите своих интересов. Апеллируя как к многолетнему опыту самоуправления, так и к отсутствию своих представителей в Британском парламенте, колониальная элита оспаривала законность принимаемых Лондоном мер. Протесты, изначально словесные, к 1774 году, вылились в открытые столкновения с английской колониальной администрацией, что повлекло за собой попытки ужесточения контроля со стороны Лондона. В 1776 году, уже после знаменитых стычек при Конкорде и Лексингтоне, живущий в Филадельфии Британский эмигрант Томас Пейн высказался в пользу отделения колоний от Англии. Его яркие доводы совпали очень скоро с настроениями колониального истеблишмента, объявившего в этом же году о созыве Континентального Конгресса. На Конгрессе делегаты утвердили ключевой для Американской истории документ – так называемую Декларацию Независимости, в которой они, обвинив короля Георга III в деспотизме, объявили власть Британской короны упраздненной во всех 13 колониях.

За Декларацией последовала долгая и изнурительная война. Ведомые Джорджем Вашингтоном колониальная армия была часто на краю катастрофы. Англия в этой войне могла рассчитывать не только на свои профессиональные войска, но и на десятки тысяч колонистов, сохранивших лояльность короне; тысячи черных рабов, вдохновленные перспективой свободы, также присоединились к англичанам. После первых лет нерешительных действий, в войну на стороне американцев вступила Франция, а за ней Испания и Голландия, что привело к изменению баланса сил в пользу сепаратистов. Совместными усилиями, в 1781 году американцы, французы и испанцы сумели заблокировать в районе Йорктауна в Вирджинии девятитысячный британский контингент, вынудив его капитулировать. По сути, это было последним и решающим сражением в войне, за которым последовали длительные переговоры, закончившиеся подписанием Парижского мирного договора в 1783 году.

В соответствии со статьями договора, тринадцать колоний не только обрели независимость, но и получили территории от Британии вплоть до Миссисипи. Образовалось новое государство – Соединенные Штаты Америки. Первоначально оно существовало как конфедерация квази-государственных формаций, конкурирующих между собой за земли на западе и не желающих делиться своей автономией ради продвижения сомнительных «общих интересов». Тем не менее, в 1789 году, после двух лет бурных дискуссий, штаты ратифицировали Конституцию США вместе с десятью первыми поправками к ней, вошедшими в историю как Билль о правах. Конституция видоизменила форму Союза, создав крепкий федеральный центр при сохранении целого ряда прерогатив за каждым из штатов. Идея сбалансированного распределения власти была отражена и в структуре Конгресса, давшего отдельному штату равное представительство в верхней палате (Сенате) и пропорциональное в нижней (Палата представителей). Была также разработана детальная система издержек и противовесов, поставивших в отношения взаимной зависимости и взаимного контроля три ветви власти – а именно, законодательную, исполнительную и судебную. В свою очередь, Билль о правах должен был защищать права отдельных граждан, установив ограничения на ряд компетенций государственного аппарата.

В этой модели, сложившейся на балансе между федеральным центром и составляющими частями союза, большими штатами и малыми, отдельными ветвями власти, гражданами и государством, заложен один из ключевых аспектов революционной природы Американской Войны за независимость. Новое государство являлось производной стремления построить государство на демократических принципах – т. е. создать амальгаму между властью, как

необходимостью, и свободой, как самоцелью. Революционность войны отразилась также в утверждении колониального истеблишмента в качестве политической элиты нового государства – вместо истеблишмента английского. Последний факт поставил революцию в рамки, не позволившие ей перейти в радикальную фазу. Несмотря на язык равенства людей, в процессе реализации идеала Просвещения к гражданам – «равным людям» новой эры – были причислены лишь совершеннолетние свободные белые мужчины наделенные собственностью. Таким образом большая часть населения – женщины, черные, индейцы – оказались исключены из участия в политической жизни. За них могли говорить мужья, хозяева, и всевозможные, не ими избранные, органы власти. Между принципами и реалиями Американской революции, обнаруживалось мощное противоречие, которое во многом и определило дальнейший ход истории Соединенных Штатов.

В отличие от Американской войны за независимость – вошедшую в Американскую историографию под названием «Революционной войны» – разразившаяся в 1789 году Французская революция прошла через все возможные фазы: от требования умеренных реформ до резкой радикализации, от радикализации к диктатуре и от диктатуры к монархической реставрации. Это было обусловлено расхождением в интересах различных слоев общества, слабостью элит – как старых, так и новых – и, конечно же, сложностью накопленных за полтора века французского абсолютизма проблем. Будучи примером для подражания европейских монархов, французский двор во второй половине 18 века переживал не лучшие для себя времена. Интеллектуально, он проигрывал борьбу за умы французского среднего класса полемистам Просвещения, в духе Монтескье сравнивавших правление Бурбонов с худшими формами «восточной деспотии». На геополитической сцене режим сдал ряд приобретенных в 17 веке позиций своим противникам – Англии в первую очередь. Финансовое же положение было близким к катастрофическому: правительство погрязло в огромных долгах, оплатить который оно могло лишь усилив налоговый гнет населения. Последняя проблема усугублялась еще и тем, что дворянство и духовенство – два столпа монархии – были освобождены от податей.

Комбинация из экономических проблем, неурожайных лет и общественного недовольства вынудила короля Людовика XVI (1774-1792) объявить о созыве Генеральных штатов. Этот институт, последний раз созывавшийся в 1614 году, представлял из себя консультативное собрание представителей трех сословий – духовенства, аристократии и составлявшего абсолютное большинство населения «третьего сословия». В 1789 году все сразу пошло не по запланированному королем и министрами сценарию. Собравшись в Версале, представители третьего сословия, значительная часть из которых являлась движимыми идеологией Просвещения адвокатами, объявили себя Национальной Ассамблеей (именуемой также Учредительным собранием), поставившей перед собой задачу написания Конституции и подготовки к выборам в новый законодательный орган страны. В одночасье Франция из абсолютной монархии превратилась в монархию конституционную. Новым собранием, к которому вскоре присоединилась часть духовенства и знати, была выпущена Декларация Прав человека и гражданина – что стало предвестником близкого конца старого режима (ансиен режим) и феодального порядка, отраженного в нем. Не подданные со своими привилегиями и обязанностями, а граждане, равные в теории перед законом – таков был идеал реформаторов. Конституция 1791 года провозгласила народ источником власти; как и в Соединенных Штатах, ветви власти были разделены; король становился главой исполнительной власти, однако, по существу, центр тяжести перешел решительно в сторону законодательной власти, находившейся в руках Ассамблеи, а затем, с 1792 году, в ее измененном варианте – Национальном конвенте. Все мужское население 25 лет от роду и не находившееся в состоянии финансовой зависимости объявлялись «активными гражданами» с правом голоса – порядка 4 миллионов человек из 25 миллионов, проживавших в королевстве.

Реформы первых двух лет заменили феодальные подати единой налоговой системой; были конфискованы церковные земли, а священники превратились в государственных служащих, обязанных произносить клятву верности государству. Аристократия лишалась как привилегий, так и права передавать титулы по наследству. Вместо старого, обусловленного историей, территориального деления вводилась система департаментов, более или менее равных по размеру и населению.

Практически с первых дней, провозгласив начало новой эры (запечатленной в новом, введенном в 1793 году календаре), Революция оказалась зажатой между контрреволюцией и радикализацией. Многие крестьяне, усмотрев в реформах – особенно в церковных – атаку на свой образ жизни, отказались признавать власть Парижа, что привело к разрушительной гражданской войне в западных областях Франции (Вандея, Бретань и Мэн); офицерство, состоящее в своей массе из аристократов, не могло оставаться нейтральным в вопросах, касающихся их прав. Часть из них покинуло страну; часть превратилась в организаторов секретных обществ, нацеленных на саботаж дальнейшего хода Революции.

Ввиду внутренней и внешней угрозы, Революция начала принимать все более радикальные формы. В 1792 году отменяется монархия, и Франция становится республикой. Людовика XVI, а затем и королеву Марию-Антуанетту подвергают аресту, суду, а затем казни. Республика, ожидая вторжение иностранных армий в поддержку свергнутой монархии, решила сделать удар, объявив войну сначала Австрии с Пруссией, а затем Англии, Соединенным Провинциям (Нидерландам) и Испании. Первые кампании прошли неудачно для французов – республиканской армии не доставало опыта эмигрировавших офицеров. Революционеры решили, на первых порах бороться не уменьем, а числом, проведя первую в истории всеобщую мобилизацию (*levee en masse*). Достигнув вскоре небывалой численности в 1 миллион человек, республиканские войска стали истинным народным ополчением, настоящей кузницей революционных кадров, местом создания общефранцузской идентичности. Вдохновленная революционными и национальными идеалами, эта армия заставила повернуть профессионалов вспять, создав тем самым условия для дальнейшей французской экспансии.

Борьба с внутренним врагом обернулась для Франции не только кровавыми подавлениями любых контрреволюционных выступлений (война в Вандее стоила крестьянам 250 тысяч жизней), но и раздором в лагере революционеров. Объявленный в 1793 году Террор пощадил немногих. Комитет общественного спасения, руководимый революционером из радикальной фракции якобинцев Максимилианом Робеспьером не скупился на смертные приговоры. За год, совместные усилия Комитета и региональных революционных трибуналов отправили на гильотину от 20 до 30 тысяч человек – в том числе и таких видных революционеров как Жорж Дантон, Камилл Демулен, Жан Пьер Бриссо, ученых Николая де Кондорсе, Антуана Лавуазье и многих других; в конце, сам Робеспьер пал жертвой террора. Верными оказались слова одного из казненных революционеров о Революции, что, «подобно богу Сатурну, пожирала собственных детей».

Со смертью Робеспьера Революция вернулась в умеренно-правое русло. Захватившие власть участники заговора против Робеспьера, известные по названию месяца Термидора термидорианцами, объявили о создании всемогущей Директории из 5 человек. Успешная на внешнеполитическом фронте, Директория вошла в историю, как время торжества цинизма и коррупции, наступившего после правления идеалистов-фанатиков.

Постепенный отход от демократических принципов первых лет стал предтечей для окончательного оформления Франции в диктатуру. Человеком, приведшим этот процесс к кульминации стал выходец из далекой от Парижа Корсики Наполеон Бонапарт. Последний, сыскав заслуженную славу военного гения компаниями в Италии (1795-1796 гг.) и Египте, не терпел фанатиков-якобинцев и презирал циников-термидорианцев. В 1799 году, являясь, пожалуй, самой популярной фигурой во Франции, Наполеон организовал государственный переворот, свергнув Директорию и объявив себя Первым консулом. Пятью годами спустя, на пике своих военных удач, Наполеон короновал себя Императором Наполеоном I. Воинственная Французская республика превратилась в экспансионистскую Французскую Империю.

Наполеон, не являясь убежденным республиканцем, стал проводником основных принципов Французской Революции. С покорением обширных территорий в Германии, Польше, Италии, на Пиренейском полуострове, Нидерландах и т. д., французская армия принесла новую администрацию взамен старого феодального порядка, новое законодательство в духе либерального Просвещения и Наполеоновского кодекса 1804 года, экономические и военные реформы. Его противники – Австрия и Пруссия в первую очередь – вынуждены были адаптироваться под новые «правила игры». Поняв источник силы пост-революционной Франции, два главных немецких государства отменили крепостное право в своих восточных провинциях,

модернизировали налогообложение и заложили основу для появления современных народных армий. Будучи вынужденной мерой, эти реформы, однако, доказали свою действенность в 1813 и 1814 годах, когда, присоединившись под впечатлением от провала русской кампании к новой Антинаполеоновской коалиции, австрийские и прусские войска оказываются равными по боеспособности и духу диктовавшим до этого правила войны и мира французам.

Конец наполеоновского проекта стал следствием усилившегося империалистического начала при отступающем на задний план реформизме. Наполеон, до этого вызывавший восхищение европейцев, превратился в символ иностранной оккупации. Вспыхнувшее в 1808 году антифранцузское восстание в Испании было первой брешью в континентальной крепости Наполеона; неудачи в морской войне с Англией, провал направленной против нее континентальной блокадой пошатнули власть Императора; русская же компания, стоившая Наполеону полумиллионной, прекрасно обученной «Великой армии», стала тем поворотным пунктом, обозначившим начало обратного отсчета и приведшего к распаду Наполеоновской империи, оккупации Парижа и Франции войсками союзников по Антинаполеоновской коалиции, и отречения Наполеона от престола. Ненадолго Наполеону удалось вернуть власть, однако союзники, оправившись от первого шока, собрали свои армии и, разбив Наполеона в битве при Ватерлоо, принудили его ко вторичному отречению. Отправив дважды бывшего императора в далекую ссылку на маленький тропический остров Святой Елены, лидеры союзных держав положили конец более чем 20-летнему противостоянию, потрясшему Европу, а вместе с ней и весь мир.

Результаты Французской Революции и Наполеоновских войн как ее естественного продолжения сложно переоценить. Достаточно отметить на данный момент, что вместе с ними окончательно оформляется новая эра – эра наций и национальных государств. Нет сомнения, что своими корнями концепция нации идет еще в ранее новое время, в эпоху Ренессанса, Реформации и первых опытов в национальной литературе. Просвещение создало крепкий каркас в виде идеи о народном управлении и общей воле. Но что есть народ, превратившийся в единственный источник власти? Как выяснилось, не просто совокупность индивидуумов, наделенных определенными политическими правами, но и некая община, определяемая единством языка, культуры, памяти и территории. Именно такой народ-нация, как суверенный носитель власти, и должен был стать главным наполнением для государств – даже тех, что возникли в до-национальную эпоху.

Конечно, такую нацию, как совокупность незнающих друг друга людей со схожим представлением о языковом, культурном и историческом родстве, нужно было еще создать. Те же французы, будучи в авангарде процесса национализации территорий и мышления, долгое время после революции, продолжали говорить на своих, отличных от официального языка, наречиях, и связывать свою идентичность с судьбой региона. Тем не менее, горячо поддерживаемая европейскими интеллектуалами новая национальная идеология – национализм – наряду с либерализмом и разными ипостасями социализма оказалась наиболее действенной мобилизующей силой современности. Тысячи – а потом и миллионы – людей показали готовность умирать и убивать во имя своих национальных сообществ, частью которых они научились себя воспринимать.

Век, анонсированный потрясениями Французской Революции, станет, помимо всего прочего, и веком больших и малых национализмов, стремящихся к сохранению, расширению или созданию соответствующих национальным общинам государственных образований.